

КЛЮИС
КЭРРОЛЛ

ПИЩА
ДЛЯ УМА

МОСКВА
2018

ГЛАВНЫЕ МЫСЛИ ЭТОЙ КНИГИ

*Нашему девятнадцатому столетию
суждено испытать расцвет
самой изоциренной религии из всех —
религии поклонения себе самому.*

*Нам повезло, что последствия пренебрежения телом
можно ясно увидеть и ощутить; и, возможно,
для кого-то было бы хорошо,
если бы ум был в равной степени видим и осязаем —
если бы мы, скажем, могли отнести его к врачу
и проверить пульс.*

*Мы не можем читать мысли других людей
и, следовательно, никогда не можем знать,
является ли на самом деле любое человеческое
существо виновным или невиновным в том,
что оно совершает.*

*Чем более благородное существо
мы подвергаем деградации, тем более велик вред,
который мы причиняем обществу.*

*Очень большое количество
мелких несправедливостей
равно одной большой.*

ГЛАВНЫЕ МЫСЛИ ЭТОЙ КНИГИ

*Любая отрасль науки, когда ею занимается тот,
кто имеет к ней природную склонность,
вскоре становится такой же увлекательной,
как спорт для самого страстного спортсмена
или любая форма наслаждения
для самого утонченного сластолюбца.*

*Терпимое отношение к одной форме зла
не является оправданием
для терпимого отношения к другой.*

*Риск того, что законодательные меры усугубят зло,
недостаточен для того, чтобы сделать
нежелательным все законодательные меры.*

*Что касается пережевывания пищи,
то соответствующий умственный процесс —
это просто размышление над тем,
что мы читаем.*

*Мы не осмеливаемся пытаться покарать мысли,
какими бы греховными они ни были,
если они не вылились в действие.*

Об этой книге

Льюис Кэрролл (настоящее имя Чарлз Лютвидж Доджсон; 1832—1898) — знаменитый британский писатель, математик, философ, фотограф. Это имя известно каждому с детства, ведь Кэрролл — автор «Алисы в Стране Чудес» и «Алисы в Зазеркалье», книг, ставших достоянием не только британской, но и мировой литературы.

Основой нашего издания стал сборник статей и эссе «Пища для ума». В них писатель в своей неповторимой афористичной манере размышляет над разными темами: от шуточных идей о том, как нужно писать письма и вести себя на званых обедах, до серьезных мыслей о воспитании детей и месте театра в жизни человека. Главный лейтмотив сборника выражен в следующих словах: «Нам следует заняться тем, чтобы обеспечить нашему уму подходящую пищу».

В издание также вошел «Дневник путешествия в Россию в 1867 году». Кэрролла всегда притягивало то, что лежит у крайних пределов логического мира, позволяет заглянуть за грань здравого смысла и рационального. Не исключено, именно поэтому, написав «Алису в Стране Чудес» — знаменитую книгу о девочке, которую любопытство завело в безумный подземный мир, — Кэрролл отправился в Россию. А как иначе объяснить этот странный выбор, ведь у себя в Англии писатель слыл заядлым домоседом, а Россию, как уже тогда достоверно знали, умом понять совершенно невозможно... Нельзя сказать, что поездка была продолжительной, но при этом стала весьма познавательной. Возможно, в России Кэрролл все-таки убедился, насколько глубока бывает «кроличья нора», и потому, осмыслив как следует впечатления от поездки, написал продолжение книги об Алисе, на этот раз о ее приключениях в Зазеркалье. В общем, там, где Кэрролл, там парадоксы.

Пища для ума

Завтрак, обед, чай; в крайних случаях — завтрак, второй завтрак, обед, чай, ужин и стакан чего-нибудь горячего перед сном. Как же мы заботимся о том, чтобы накормить наше везучее тело! *А кто из нас делает столько же для ума? И что является причиной такого различного отношения? Неужели тело настолько важнее?*

Никоим образом. Но жизнь зависит от питания тела; в то время как мы можем продолжать существовать как животные (едва ли как люди), ум будет находиться в чрезвычайно голодном и пренебрегаемом состоянии. Поэтому Природа предусмотрела, чтобы в случае серьезного пренебрежения телом возникали ужасные последствия в виде физического недомогания и боли, которые быстро заставляют нас осознать свои обязанности.

Вместе с тем некоторые из функций, необходимых для жизни, она выполняет за нас сама, не оставляя нам выбора в этом вопросе. Она бы не добилась ничего хорошего со многими из нас, если бы предоставила нам самим следить за своим пищеварением и кровообращением. «Бог ты мой, — кричал бы кто-нибудь, — сегодня утром я забыл завести сердце! Подумать только, что оно стоит в течение последних трех часов!» «Я не смогу погулять с тобой сегодня после обеда, — говорил бы вам приятель, — потому что мне нужно переварить не меньше одиннадцати обедов. Они накопились еще с прошлой недели, потому что мне даже некогда было поесть, а мой врач говорит, что не отвечает за последствия, если я срочно не наверстаю упущенное!»

Повторяю, нам повезло, что последствия пренебрежения телом можно ясно увидеть и ощутить, и, возможно, для кого-то было бы хорошо, если бы ум был в равной степени видим

и осязаем — если бы мы, скажем, могли отнести его к врачу и проверить пульс.

— Слушайте, что это вы делали с вашим умом в последнее время? Как вы его питали? Он выглядит бледным, и пульс очень медленный.

— Понимаете, доктор, в последнее время он не очень регулярно питался. Вчера я дал ему много леденцов.

— Леденцов! Каких именно?

— Ну, это была целая куча головоломок, сэр.

— Ага, я так и думал. Теперь хорошенько запомните: если будете продолжать играть в подобные игрушки, испортите ему все зубы и дело закончится умственным несварением. Я прописываю вам в течение следующих нескольких дней только самое простое чтение. Только смотрите мне! Никаких романов — ни в коем случае!

* * *

Учитывая массу болезненных ощущений, которые многие из нас испытывают при питании тела и его лечении с помощью всевозможных лекарств, я думаю, стоило бы попытаться переложить некоторые из правил в отношении тела в соответствующие правила для ума.

Итак, *во-первых, нам следует заняться тем, чтобы обеспечить нашему уму подходящую пищу.* Мы очень быстро узнаем, что подходит нашему телу, а что нет, и без особого труда отказываемся от куска соблазнительного пудинга или пирога, который ассоциируется у нас в памяти с ужасным приступом несварения и само название которого неодолимо ассоциируется с мыслью о ревене и магнезии. Но требуется чрезвычайно много уроков, чтобы убедить нас в том, насколько неперевариваемы некоторые из любимых нами жанров, и мы снова и снова употребляем в пищу нездоровый роман,

за которым наверняка последует его обычный шлейф плохого настроения, нежелание работать, усталость существования — по сути дела, умственный кошмар.

Затем нам следует позаботиться о том, чтобы обеспечить эту полезную пищу в подходящих количествах. Умственное обжорство, или перечтение, — это опасное пристрастие, ведущее к ослаблению пищеварительной способности, а в некоторых случаях к потере аппетита. Мы знаем, что хлеб — это хорошая и полезная пища, но кому бы захотелось провести эксперимент и съесть две или три буханки в один присест?

Я слышал, как один врач говорил своему пациенту, который жаловался всего лишь на обжорство и недостаток движения: «Наиболее ранним симптомом избыточного питания является отложение адипозной ткани¹». И несомненно, эти замечательные, но не очень понятные слова невероятно утешили беднягу, изнывающего под все увеличивающейся массой жира.

Я задаюсь вопросом: а существует ли такая вещь, как ОЖИРЕВШИЙ УМ? Мне, в самом деле, кажется, что я встретился с одним или двумя образчиками — с умами, которые не могли поспеть за самой медленной рысцой в разговоре; не могли перепрыгнуть через логический барьер, чтобы спасти свою жизнь; всегда прочно застревали в ограниченном споре и, короче говоря, не годились ни на что другое, кроме как беспомощно ковылять по миру.

* * *

Кроме того, опять-таки, даже если пища полезна и присутствует в соответствующем количестве, мы знаем, что

¹ *Адипозная ткань* — ткань, состоящая из адипоцитов, клеток, которые составляют основу жировой ткани.

не должны поглощать слишком много ее разновидностей одновременно. Дайте жаждущему кварту пива, или кварту сидра, или даже кварту холодного чая — и он, вероятно, поблагодарит вас (хотя не так искренне в последнем случае!). Но, каковы, по-вашему, будут его чувства, если вы предложите ему поднос, на котором стоит маленькая кружечка пива, маленькая кружечка сидра, кружечка холодного чая, горячего чая, кофе, какао и соответствующие сосуды с молоком, водой, бренди с содовой и пахтой?

После того как мы выяснили нужную разновидность, количество и ассортимент нашей пищи для ума, остается, чтобы *мы проследили за следующими правилами: между ее приемами должны быть соответствующие интервалы, и не следует проглатывать еду поспешно, не пережевывая, а нужно стараться, чтобы она была полностью переварена. И оба эти правила в отношении тела также применимы к уму.*

Во-первых, в том, что касается интервалов: они точно так же необходимы для ума, как и для тела, с той лишь разницей, что, если телу требуется трех- или четырехчасовой отдых, прежде чем оно будет готово к еще одному приему пищи, ум во многих случаях обойдется всего тремя-четырьмя минутами. Я полагаю, что требуемый интервал гораздо короче, чем принято считать, и по личному опыту рекомендовал бы любому, кому приходится посвящать несколько часов кряду одному предмету мысли, испытать на себе эффект от такого перерыва, скажем, один раз в час, каждый раз отвлекаясь всего на пять минут, но следя за тем, чтобы совершенно «выключить» ум на эти пять минут и всецело обратить его на другие предметы. Поразительно, какой заряд и гибкость приобретает ум во время этих коротких периодов отдыха.

Что касается пережевывания пищи, то соответствующий умственный процесс — это просто размышление над тем, что мы читаем. Здесь требуется гораздо большее усилие ума, чем

просто пассивное пропускание через себя содержания книги. Это настолько большее усилие, что, как говорит Кольридж¹, ум часто «сердито отказывается» утруждать себя подобными хлопотами; настолько большее, что мы слишком склонны вовсе им пренебречь и продолжаем наваливать непережеванную пищу на непереваренные массы, которые уже лежат там, пока несчастный ум практически не тонет в потоке информации, превращаясь в болото.

Но чем больше усилие, тем более ценен эффект — в этом можно не сомневаться. Один час вдумчивого размышления над предметом (прогулка в одиночестве — такая же хорошая возможность для этого процесса, как и любая другая) стоит целых двух или трех прочтений. И подумайте только о еще одном эффекте тщательного переваривания книг: я имею в виду организацию и, так сказать, «раскладывание по полочкам» предметов в наших умах, так, что мы можем сразу же обратиться к ним, когда они нам нужны. Сэм Слик² говорит нам, что он за свою жизнь выучил несколько языков, но у него как-то «не получилось их рассортировать» в своем уме. *И многие умы, которые спешат от книги к книге, не останавливаясь, чтобы что-нибудь переварить или рассортировать, попадают в ту же самую ситуацию, и несчастный владелец обнаруживает, что на самом деле далеко не готов подтвердить то мнение, которое сложилось о нем у его знакомых.*

«Основательно начитанный человек. Вот попробуйте испытать его в любой области. Вам не удастся поставить его в тупик». Вы поворачиваетесь к основательно начитанному человеку. Вы задаете ему вопрос, скажем, по истории Англии

¹ Сэмюэл Тэйлор Кольридж (1772—1834) — английский поэт, критик и философ.

² Сэм Слик — псевдоним английского писателя и политического деятеля Томаса Чендлера Галлибертона (1797—1865).

(предполагается, что он только что закончил читать Маколея¹). Он добродушно улыбается, пытается напустить на себя такой вид, словно он все об этом знает, и начинает рыться в глубинах памяти, стараясь выудить ответ. В качестве улова предлагается горстка весьма многообещающих фактов, но на поверку оказывается, что они относятся к не тому столетию, и их отправляют обратно.

Следующий заброс приносит один факт, гораздо более похожий на то, что нужно, но, к несчастью, вместе с ним на поверхность всплывает спутанный клубок других сведений — один факт из области политической экономии, арифметическое правило, возраст детей его брата и стихотворение Грея² «Элегия», и среди всего этого нужный ему факт оказывается безнадежно перекрученным и запутанным. Тем временем все присутствующие ждут, когда он ответит, и в итоге наш начитанный друг вынужден заикающимся голосом пролепетать наконец какой-то полуответ, далеко не такой ясный и удовлетворительный, какой мог бы дать обычный школьник. *И все это из-за того, что он не собрал свои знания в соответствующие пакеты и не разложил их по полочкам.*

Вы можете распознать несчастную жертву неразумного умственного питания, когда видите ее перед собой? Вы можете заподозрить такого человека? Посмотрите, как он тоскливо бродит по читальному залу, пробуя блюдо за блюдом — просим у него прощения, книгу за книгой — и ни на чем не задерживаясь. Сначала кусочек романа, но нет — тьфу! — он не ел ничего, кроме романов, в течение всей прошлой недели, и их вкус ему прилично надоел. Затем ломтик чего-нибудь научно-

¹ Томас Бабингтон Маколей (1800—1859) — британский государственный деятель, историк и писатель, автор фундаментального труда «История Англии».

² Томас Грей (1716—1771) — английский поэт-сентименталист и историк литературы.

го, но вы сразу знаете, каков будет результат — естественно, слишком крепкая штука для его зубов. И так далее — повторяется все тот же утомительный круг, который он тщетно пытался проделать вчера и который, вероятно, попытается тщетно повторить завтра.

Мистер Оливер Уэнделл Холмс¹ в своей очень забавной книге «Профессор за завтраком» дает следующее правило, позволяющее определить, молод человек или стар: «Главный критерий таков: предложите испытуемому за десять минут до обеда пухлую булочку. Если она с легкостью принята и поглощена, факт молодости можно считать установленным». Он говорит нам, что человек, «если он молод, съест все что угодно в любое время дня и ночи».

Чтобы выяснить, здоров ли умственный аппетит человеческого животного, дайте ему в руки короткий, хорошо написанный, но не захватывающий трактат о каком-нибудь популярном предмете — умственную булочку, собственно говоря. Если такой трактат будет прочитан с живым интересом и полным вниманием и если читатель сможет ответить потом на вопросы по этой теме, его ум находится в отличном рабочем состоянии. Если же читатель вежливо отложит его в сторону или, возможно, лениво полистает в течение нескольких минут, а потом скажет: «Я не могу читать эту глупую книжонку! Не могли бы вы дать мне второй том “Загадочного убийства”?» — то вы можете быть в равной степени уверены, что у него что-то не в порядке с умственным пищеварением.

Если эта статья дала вам какие-нибудь полезные советы на важнейшую тему чтения и помогла увидеть, что не меньшая обязанность, чем удовольствие «читать, брать на заметку, узнавать и переваривать внутри себя» хорошие книги, которые вам попадают, ее цель достигнута.

¹ Оливер Уэнделл Холмс Старший (1809—1894) — американский врач, изобретатель, поэт и писатель.

НЕСКОЛЬКО МУДРЫХ СЛОВ ПО ПОВОДУ ТОГО, КАК ПИСАТЬ ПИСЬМА

1. О *stamp-cases*

Какой-то американский писатель сказал, что «змей в этом районе можно разделить на один вид — ядовитые». Тот же принцип применим и здесь. Альбомы для марок можно разделить на один вид — «Страна Чудес». Ее имитации вскоре появятся — это не вызывает сомнений, — но они не могут включать в себя два Живописных Сюрприза, которые охраняются авторским правом.

Не понимаете, почему я называю их «Сюрпризами»? Хорошо, возьмите альбом в левую руку и внимательно на него посмотрите. Видите Алису, которая нянчит младенца Герцогини? (Кстати, совершенно новое сочетание: в книге оно не встречается.) Теперь с помощью большого и указательного пальцев правой руки возьмитесь за маленькую книжицу и неожиданно вытащите ее. Младенец превратился в Поросянку! Если это не стало для вас сюрпризом, то, полагаю, вас не удивит, даже если ваша собственная теща неожиданно превратится в гироскоп!

Этот альбом не предназначен для того, чтобы носить его в кармане. Ни в коем случае. Если нужно срочно послать письмо, то редко требуются какие-либо другие марки, кроме почтовых марок ценой в один пенс для писем, шестипенсовых для телеграмм и кусочка *stamp-edging*, если вдруг порежешь палец (из него получается первоклассный пластырь, который выдерживает три-четыре мытья рук, если их мыть осторожно), — и все это можно легко носить в кошельке или бумажнике. Нет, этот альбом предназначен для хранения

в вашем ящике для конвертов, или где вы там храните свои письменные принадлежности.

Изобрести его меня заставила постоянная нужда в марках других достоинств, которые используются для писем за границу, бандеролей и т. д., и необходимость иметь определенный их запас. С тех пор как я обзавелся «Ящиком для марок Страны чудес», жизнь стала радостной и спокойной и я ничем другим не пользуюсь. Я полагаю, что и прачка Королевы ничем другим не пользуется.

В каждом из отделений прекрасно вмещается по 6 марок. Я бы рекомендовал вам, прежде чем поместить эти марки в отделение, разложить их по-особому, наподобие веера, — таким образом всегда будет свободный уголок, за который можно взяться и быстро и легко вынуть любую марку, в противном случае они будут постоянно вылезать по две-три сразу.

По своему опыту могу сказать, что марки по 5 и 9 пенсов и по 1 шиллингу практически никогда не используются, хотя мне постоянно приходится пополнять другие отделения. Если ваш опыт согласуется с моим, возможно, вам будет удобнее хранить только по паре каждой из этих трех разновидностей в отделении для одношиллинговых марок и заполнить оставшиеся два отделения дополнительными однопенсовыми марками.

2. Как начинать письмо

Если письмо должно быть ответом на другое письмо, начните с того, что достаньте это письмо и перечитайте его — ведь нужно освежить свою память и вспомнить, на что именно вы должны отвечать, и уточнить нынешний адрес вашего корреспондента (в противном случае вы пошлете письмо на его обычный адрес в Лондоне, в то время как в своем письме он указывает адрес в Торки и особо просит вас обратить на это внимание).

Затем напишите адрес и приклейте на конверт марку. «Что! Еще до того, как написать письмо?» Совершенно верно. И я скажу вам, что случится, если вы этого не сделаете. Вы будете писать до последнего момента и вдруг в середине последней фразы поймете, что времени уже нет! После этого вы поспешно «закругляетесь» — ставите неразборчивую закорючку вместо подписи; впопыхах заклеиваете конверт, который раскроется во время пересылки; пишете адрес буквами, которые больше смахивают на иероглифы. Потом вы с ужасом обнаруживаете, что забыли пополнить запасы в вашем ящике для марок, — вы отчаянно взываете ко всем домохозяевам с мольбами одолжить вам марку, опрометью несетесь на почту, прибегаете, взмыленный и бездыханный, через минуту после ее закрытия. И наконец неделю спустя ваше письмо возвращается из отдела не востребуемых писем со штемпелем: «Адрес неразборчив!»

Далее, напишите свой полный адрес в верхней части письма. Совершенно невыносимо — я говорю это, исходя из собственного горького опыта, — когда ваш знакомый, находясь по какому-нибудь новому адресу, ограничивается тем, что ставит в начале письма единственное слово «Дувр», предполагая, что вы возьмете его адрес из предыдущего письма, которое вы, возможно, уже уничтожили.

Далее, полностью напишите дату. Если вам приходит в голову разложить по порядку письма, полученные несколько лет назад, и вы обнаруживаете, что на них стоит «17 февр.», «2 авг.» без указания года, который помог бы вам определить, какое из них было раньше, а какое позже, такая ситуация может довести до белого каления. И никогда, никогда, уважаемая мадам (*NB.* Это замечание адресовано исключительно дамам; ни один мужчина никогда такого не сделает), не пишите вместо даты просто «среда»!

«Так люди сходят с ума».

3. Как писать основную часть

Запомните для начала золотое правило: пишите разборчиво. Нрав среднестатистического представителя человеческого племени стал бы значительно мягче, если бы все подчинялись этому правилу!

По большей части плохой почерк является лишь результатом того, что люди чересчур спешат. Конечно, вы ответите на это: «Я так поступаю, чтобы сэкономить время». *Несомненно, весьма достойная цель, но какое вы имеете право экономить время за счет своего знакомого? Разве его время не столь же ценно, сколь и ваше?*

Много лет назад я получал письма от знакомого — причем письма весьма интересные, — написанные одним из самых убийственных почерков, которые только можно придумать. Для того чтобы прочитать одно из его писем, мне обычно требовалась неделя.

Я носил его с собой в кармане и, когда выдавалась свободная минута, доставал, чтобы поразмыслить над загадками, из которых оно состояло, — поворачивал его под разными углами, смотрел на него с разных расстояний, пока наконец до меня вдруг не доходил смысл некоторых из этих безнадежных каракулей. Тогда я сразу подписывал их по-английски, и, когда таким образом догадывался о значении нескольких из них, контекст помогал разобраться с другими, пока наконец не была расшифрована вся серия иероглифов. *Если бы все знакомые писали таким образом, жизнь бы полностью уходила на прочтение их писем!*

Это правило особенно относится к именам людей и географическим названиям — и особенно к иностранным. Однажды я получил письмо, в котором встречались русские имена, написанные теми самыми торопливыми закорючками, которыми люди часто пишут «искренне Ваш». Разумеется,